

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА

КНИГА

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

СБОРНИК

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ

МОСКВА 1961

У ИСТОКОВ УЗБЕКСКОЙ ПОЛИГРАФИИ (хивинская придворная литография 1874—1910 гг.)

Переход от рукописной к печатной книге в странах ислама осуществляется только в начале XVII в. и притом не без трудностей. В. В. Бартольд писал по этому поводу: «Мусульмане без колебаний заимствовали у европейцев огнестрельное оружие, но для заимствования другого изобретения неверных — книгопечатания — потребовалось особое постановление богословских авторитетов, так как пользование печатными книгами вносило полный переворот в школьную жизнь, тесно связанную с религией»¹.

Типографии в странах Ближнего Востока появляются только в XVIII в. В Турции, например, первая типография открылась по инициативе Ибрахима-паши, верховного визиря султана Ахмеда III (1703—1730). В 1728 г. эта типография выпустила первую турецкую печатную книгу — арабско-турецкий словарь².

В Иране первая типография открылась во время правления Фетх-али Шаха (1797—1834). В 1825 г. в Тавризе была напечатана первая книга Тарихи Аббаси (Аббасова летопись), излагающая историю Ирана начала XIX в. Позднее типография была переведена в Тегеран, где издавались преимущественно книги религиозного содержания³.

Замечательное изобретение конца XVIII в. — литографский способ печати — в XIX столетии было широко использовано в странах Востока для издания книг. Это объясняется, прежде всего, экономическими соображениями. Арабский шрифт ценился очень высоко, печатные машины также были дороги и громоздки. Типографии нуждались в квалифицированных корректорах и мастерах-полиграфистах, подготовка которых в странах Востока была крайне затруднительна.

¹ В. В. Бартольд. Культура мусульманства. Пг., 1918, стр. 101.

² П. М. Мелиоранский. Турецкие наречия и литературы. Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 34, стр. 166.

³ Типографное и литографное дело в Персии. Известия имп. Русского географического общества, т. II, № 5, Мелкие известия. СПб., 1866, стр. 157.

Литографский способ печати давал значительные преимущества перед типографским: отпадала необходимость в сложном и дорогом шрифтовом хозяйстве, не нужны были наборщики и корректоры. Машины для литографской печати были значительно проще, и работа на них без особенного труда осваивалась восточными мастерами.

Именно поэтому с 30-х годов XIX в. в Иране наблюдается быстрое распространение литографского способа печати. По данным Е. Э. Бертельса, в начале второй половины XIX в. здесь уже было налажено издание дешевой «лубочной» литературы⁴.

Издаваемые в Турции, Иране и Индии литографированные книги проникали в среднеазиатские ханства задолго до присоединения Средней Азии к России. Об этом сообщал один из корреспондентов ташкентской газеты «Окраина»⁵. Книги привозились тогда «через Бухару и Фергану». Сохранились данные о проникновении в Ходжент в 60-х годах книг из Константинополя и Александрии, которые привозились паломниками, возвращавшимися на родину после посещения Мекки⁶. Печатные книги ввозились из других стран Востока потому, что до присоединения к России ни в одном из местных ханств не существовало «ни типографий, ни литографий»⁷.

К началу 70-х годов только Хивинское ханство сохраняло свою полную независимость от России, в то время как Бухарское и Кокандское ханства, после утраты части своих территорий, отошедших к России, вынуждены были признать русский протекторат.

Царскому правительству было совершенно необходимо поставить в такие же условия и Хивинское ханство. С этой целью в 1873 г. был предпринят второй Хивинский поход, результатом которого явилось признание хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II (1865—1910) протектората России. Русское географическое общество использовало участников похода для собирания сведений о народном образовании в неисследованном до сих пор Хивинском ханстве. В частности, рекомендовалось получение ответов на такие вопросы, как: «Какие книги преобладают в употреблении — письменные или печатные, и если печатные, то где печатаются: в Казани или Константинополе? Письменность как искусство; писцы. Откуда получается бумага, употребляемая для письма? Письменные принадлежности»⁸.

⁴ Е. Э. Бертельс. Персидская «лубочная» литература. С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Л., 1934, стр. 83—85.

⁵ Погибающее производство. — Газета «Окраина», 1896, № 3.

⁶ Туркестанская область. Заметки ст. сов. Бекчурина. Казань, 1872, стр. 12.

⁷ В. В. Бартольд. История Туркестана. Труды Туркестанского гос. университета, вып. 2. Ташкент, 1922, стр. 49.

⁸ Вопросы, предлагаемые имп. Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях. — Известия имп. Русского географического об-ва за 1873 г., т. IX, СПб., 1873, стр. 43.

После Хивинского похода часть хивинских владений по правобережью нижнего течения Аму-Дарьи отошла к России. На этой территории был создан Аму-Дарьинский отдел, начальник которого непосредственно подчинялся туркестанскому генерал-губернатору. Его резиденцией был город Петро-Александровск (ныне Турткуль).

В 1874 г. в столице ханства Хиве была основана первая в Средней Азии придворная литография. Чем же можно объяснить, что первое полиграфическое предприятие возникло именно в Хивинском, а не в Бухарском ханстве, которое в XVI—XVII вв. считалось стоящим более высоко в культурном отношении? Прежде всего тем, что в XIX в. культурная деятельность, литературная жизнь и строительство были в Хивинском и Кокандском ханствах более оживленными, чем в Бухарском⁹. С другой стороны, следует учесть также и личные склонности самого хивинского хана.

Мухаммад-Рахим был для своего времени человеком культурным, интересовавшимся наукой и искусством. Он был поэтом и писал под поэтическим псевдонимом «Фируз». Мухаммад-Рахим старался содействовать изучению местных древностей. Он передал начальнику Аму-Дарьинского отдела найденную в 1900 г. в развалинах Куня-Ургенча свинцовую плиту с арабской надписью. В 1903 г. этот интересный памятник эпиграфики был передан в музей Туркестанского кружка любителей археологии, основанного в Ташкенте 11 декабря 1895 г.¹⁰

Посетивший Хиву в 1908 г. русский востоковед А. Н. Самойлович назвал Мухаммад-Рахима «просвещенным покровителем хивинской науки и искусств»¹¹.

Литературные данные о времени организации хивинской придворной литографии и о годе издания первой книги крайне неопределенны. В цитированной выше статье П. М. Мелиоранского указывается, что первая хивинская книга «Диван Муниса» была издана в 1874 г. Эту дату, как год создания литографии, подтвердил В. В. Бартольд¹².

А. Н. Самойлович относил основание литографии к началу 70-х годов. «Литография,— писал он,— существует (с перерывами) с начала 70-х годов XIX ст., но до меня о ней, насколько мне известно, никто не сообщал»¹³.

⁹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Пг., 1922, стр. 49.

¹⁰ Б. В. Лукин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). Ташкент, 1958, стр. 159.

¹¹ Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. университетом и Русским комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 г.— Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении, № 9, СПб., 1809, стр. 21.

¹² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

¹³ См. примечание 11.

Известный узбекистанский книговед и библиограф Е. К. Бетгер (1887—1956) полагал, что литография основана в конце 70-х годов¹⁴.

В настоящее время можно считать, что литография была основана действительно в 1874 г. Первый мастер литографии Атаджан Абдалов¹⁵ назвал эту дату в 1924 г. в год предполагаемого пятидесятилетия литографии.

Заметка в «Инкилоб куяши», первой советской газете Хорезмской республики, содержит сведения о биографии Атаджана Абдалова-«басмачи» (печатника). Он родился в 1856 г. В 1873 г. учился в основанной русскими школе в Петро-Александровске. Искусству литографского книгопечатания Абдалова обучал приглашенный из Ирана мастер Ибрагим Султан. В течение первых пяти лет (1874—1878) Абдалов был учеником, а потом стал работать самостоятельно. Заметка сопровождается портретом «узбекского первопечатника», исполненным хивинским художником Умаром Курбаном¹⁶.

По свидетельству А. Н. Самойловича, хивинская литография была придворной и не преследовала никаких коммерческих целей: изданные здесь книги распространялись исключительно среди приближенных хана.

Какие же книги издавались в хивинской литографии? В настоящее время точно установлено, что первые книги были напечатаны здесь в период с февраля по ноябрь 1880 г. Это были «Хамса» (Пятерица) Алишера Навои¹⁷, «Диван Муниса» и «Диван Раджи», а также собрание стихов Мухаммад-Рахима¹⁸. По другим дореволюционным данным можно установить, что издавались также исторические сочинения придворных историков Муниса и его племянника Агехи, придворного врача-поэта Ахмед-Табипа (родился в конце 70-х годов XIX в.) и других поэтов из числа тридцати двух стихотворцев, окружавших хана-поэта¹⁹.

А. Н. Самойлович называет всех их поименно, отмечая при этом, что состав придворных поэтов был очень разнородным: среди них были «царевичи, государственные деятели и духовные лица разных рангов, включая студентов медресе»²⁰.

¹⁴ Е. К. Бетгер. Редкие книги.— «Правда Востока», 1945, № 145.

¹⁵ Газета «Инкилоб куяши», 1924, № 16.

¹⁶ Фотография полосы газеты опубликована нами в журнале «Социалистический Узбекистан», 1956, № 12, стр. 19.

¹⁷ Е. К. Бетгер. Из истории книжного дела в Узбекистане (К 70-летию появления первой узбекской литографической книги).— «Известия Академии наук Узбекской ССР», 1951, № 2. Автор сообщает, что в предисловии к «Хамса» указано имя печатника Зивари. Видимо, это был один из помощников Атаджана Абдалова.

¹⁸ А. Калмыков. Хива. Хивинская литература.— Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1908, стр. 57.

¹⁹ М. Гаврилов. Несколько слов о современной литературе сартов.— «Туркестанские Ведомости», 1912, № 18.

²⁰ Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX. Критика и библиография. СПб., 1910, стр. 198.

Посетивший Хиву в 1883 г. швейцарский путешественник Анри Мозер не был допущен в литографию, но познакомился с придворным «поэтом и трубадуром» Шуды Берды Максумом, который посвятил Мозеру свои стихи. В книге Мозера они даны в переводе на французский язык, выполненном Арминием Вамбери²¹.

В 1906—1908 гг. придворным поэтом Ахмед-Табибом была составлена антология «Собрание тридцати царских поэтов, сопутствующих Фирузу», изданная в 1909 г. придворной литографией форматом in folio «на довольно плохой русской бумаге»²².

В собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, наиболее полно по подбору хивинских изданий, совершенно отсутствуют учебники. Нет здесь ни «Хафтияка» (избранные отрывки из Корана), с изучения которого начиналось обучение в медресе; нет ни «Чор-Китаба» (описание мусульманских обрядов), ни «Суфи-Аллаяра» (стихотворный сборник о блаженствах рая и ужасах ада). Этот факт подтверждает, что хивинская литография не была коммерческим предприятием: именно учебники являлись для других литографий Средней Азии основным источником дохода.

Из немногочисленных гостей хивинского хана в литографии побывал только А. Н. Самойлович. Вместе с Ахмед-Табибом, которого он считал одним из лучших хивинских поэтов того времени, А. Н. Самойлович дважды посетил литографию. Летом работы велись в одном из павильонов сада Таза-баг, окружавшего дворец²³.

Долго ли продолжалась издательская деятельность придворной литографии? По имеющимся данным, последние книги были изданы в 1910 г. Книг более позднего времени нет в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Ни одного хивинского издания не названо в библиографическом описании литературы, изданной в Туркестанском крае и по всей Средней Азии за время с 10 октября 1910 по 28 февраля 1911 г.²⁴ Мухаммад-Рахим умер в 1910 г.; его сын хан Асфендиар издательской деятельностью уже не занимался.

Изучение среднеазиатских литографированных изданий было начато покойным А. А. Семеновым (1875—1958), который в 1912 г. составил рукописный каталог литографированных книг Туркестанской публичной библиотеки. Эту работу продолжает А. И. Агеев. Однако полного перечня всех изданных в Средней Азии литографским способом книг мы еще не имеем.

* * *

Подходя к изучению особенностей художественно-полиграфического оформления хивинской литографированной книги, нужно

²¹ A travers l'Asie Centrale ... par H. Moser. Paris, 1885, p. 261.

²² См. примеч. 20.

²³ См. примеч. 11.

²⁴ Л. Зямин. Библиография. — «Средняя Азия», Ежемесячное литературно-историческое издание, кн. III. Ташкент, 1911, стр. 144.

прежде всего сказать несколько слов о бумаге, которая применялась в этой литографии.

Рукописные книги среднеазиатского происхождения большей частью написаны на бумаге местной выделки. Специфической особенностью этой бумаги, как и бумаг восточного происхождения вообще, является полное отсутствие на ней филиграней. Другой существенной особенностью восточной бумаги является лощение поверхности листа. Эти особенности сохранялись и в XIX в., когда центрами бумажного производства в Средней Азии были города Коканд и Ташкент.

Сибирский казак Максимов, ездивший в Ташкент в начале XIX в., сообщал, что бумагу производят «в Кокане и Ташкенте», где на фабриках работает одновременно до двадцати мастеров. Бумага была довольно дешевой: один лист ее продавался «по 1 пулу»²⁵.

Хорунжий Н. И. Потанин, бывший в Коканде в 1829-1830 гг., нашел там фабрику писчей бумаги²⁶.

Посетивший Туркестанский край вскоре после присоединения его к России русский востоковед П. И. Пашино писал в 1866 г., что «бумага азиатская выдывается из сырого хлопка и потом лощится, для удобства хождения по ней калама (тростникового пера), куском толстого стекла или какого-нибудь минерала, или же шлифованною костью»²⁷.

Известный исследователь Средней Азии А. П. Федченко, находившийся в Коканде в 1871 г., внимательно осмотрел фабрику писчей бумаги и установил, что «заведения этого рода составляют в Средней Азии большую редкость». Кроме кокандской, ему была известна еще одна фабрика — в селении Чарку²⁸.

М. Бурдон, жена французского путешественника Уйфальви, побывавшая в Коканде в конце 70-х годов, застала там бумажную фабрику за работой. В то время фабрика помещалась «за воротами Моймурак, около могилы святого, именем которого эти ворота названы»²⁹. Вопросу о выработке бумаги посвятил один из разделов своего сочинения туркестанский этнограф А. Шишов. Он

²⁵ Гр. Потанин. Показание сибирского казака Максимова о Коканском владении. Вестник имп. Русского географического общества, часть XXVIII кн. 3. Исследования и материалы. СПб. 1860, стр. 65.

²⁶ Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина. Записки Западно-Сибирского отдела имп. Русского географического общества, т. XXXVIII. Омск, 1916, стр. 228.

²⁷ Туркестанский край в 1886 г. Путевые заметки П. Пашино. СПб., 1868. стр. 140.

Существование бумаги из «сырого хлопка» микроскопическим исследованием не подтверждается. См: П. Д. Зотов. К истории бумажного производства на Востоке. — Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, вып. III. Ташкент, 1954, стр. 156.

²⁸ Из Кокана. Сведения о путешествии по Коканскому ханству А. П. Федченко в 1871 году. Ташкент, 1871, стр. 4.

²⁹ De Paris a Samarkand. Le Ferganah, le Kouldja et la Siberie occidentale. Impressions de voyage d'une parisienne par M-me de Wjfalvi-Bourdon Paris, 1880, p. 280.

отметил, что в конце XIX в. бумага изготовлялась «почти исключительно только в Коканде». Непроклеенная бумага применялась как оберточная, а смазанная маслом заменяла стекла в оконных рамах. Для письма служила исключительно лощеная бумага, хорошо приспособленная для движения по ней калама. Уже в то время многие употребляли для письма бумагу русского фабричного производства, и только оставшиеся «консерваторами в этом деле муллы и воспитанники медресе» предпочитали пользоваться местной бумагой³⁰.

Известно, что производство бумаги в кокандском селении Чарку продолжалось вплоть до 1924 г.³¹.

Хивинские мастера пытались печатать книги на местной лощеной бумаге (издания 1880 г.), но так как она плохо принимала типографскую краску, перешли на русскую бумагу: все книги, изданные после 1880 г., напечатаны на различных сортах русской фабричной бумаги, нередко сохранившей свои фирменные знаки.

* * *

Хивинская книга, как впрочем и всякая первопечатная книга, не отрывалась от традиций местной рукописной книги. Премущественность этих традиций лучше всего проследить путем сравнения печатных изданий с рукописными книгами, созданными в Хивинском ханстве в годы, непосредственно предшествовавшие началу издательской деятельности придворной литографии.

Представление о таких книгах можно получить по известному альбому В. В. Стасова³², в состав таблиц которого вошли образцы орнамента из рукописи собрания газелей «джагатайского поэта Муниса», переписанной в 1856—1857 гг., и другой рукописи, написанной в 1864 г. Заставка заглавного листа первой рукописи богато украшена растительным орнаментом, выполненным разными красками по синему и золотому фону. На таком же фоне расположен орнамент второй рукописи.

Широко заимствуя из опыта рукописной книги такие элементы оформления, как заставки, концовки, способы членения полосы и разворота, хивинские печатники не владели еще средствами передачи яркой красочности рукописной книги. Выработанные многолетней традицией орнаментальные мотивы сохраняются и печатаются в большинстве случаев в технике простого перевода. Лишь иногда встречаются более сложные приемы, позволявшие передавать эффект белого рисунка по черному фону.

Заставки литографированных книг по композиции очень близки к традициям рукописной книги. Чаще всего заставка представляла собой прямоугольник, верхняя часть которого замы-

³⁰ А. Шишов. Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. — Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. XI. Ташкент, 1904, стр. 270.

³¹ П. Д. Зотов. Указ. соч., стр. 163.

³² В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, лист 156, рис. 5 и 7.

Рис. 1. Членение полосы. Узоры растительного орнамента.

калась не всегда. В этот прямоугольник вписывались узоры, состоявшие из концентрических кругов или полуокружностей. Свободные места между ними заполнялись растительным орнаментом.

Первое, в чем хивинские мастера начинают отходить от традиций рукописной книги, это членение полосы. Они начинают применять очень широкие поля, нередко достигающие до 7 см. Возможности к этому открывали излюбленные здесь форматы (in folio). Внешнее поле листа всегда значительно превышает внутреннее, обращенное к корешку. Полоса обрамляется рамкой из одной или двух параллельных линий. Всегда на полосе оставались свободные от текста места в виде прямоугольников, чистые или заполненные узорами растительного орнамента (рис. 1). Этим достигались, с одной стороны, разгрузка полосы и, с другой, — эстетический эффект.

По примеру тех стран Востока, где литографское книгопечатание было уже развито, в Хиве для первых же книг вводят неизвестный рукописной книге титульный лист.

Богато украшен титульный лист первой книги, изданной в Хиве, — «Хамса» (Пятерица) Алишера Навои. Лист окружен широкими полями. Со всех сторон он обрамлен полоской растительного орнамента. Здесь использованы мотивы, характерные для индийской литографированной книги (рис. 2). Средняя часть решена в виде прямоугольника, в который вписан овал. Внутри него белыми буквами по черному фону дано название книги. Из углов к центральному клейму вписаны трилистники широко распространенной формы миндаля «бодом» (рис. 3).

Композиции титульных листов хивинской литографии были очень разнообразными. Центральная часть, в которую обычно вписывалось название книги, имеет иногда форму крестообразного узора, иногда она образована комбинацией из пересекающихся полуокружностей, иногда комбинацией кругов.

Такого типа титульный лист поэтического сборника хивинских поэтов «Диван» интересен еще и тем, что здесь впервые хивинские мастера книги использовали для рамки мотив акцидентного набора, один из тех, которыми широко пользовались мастера

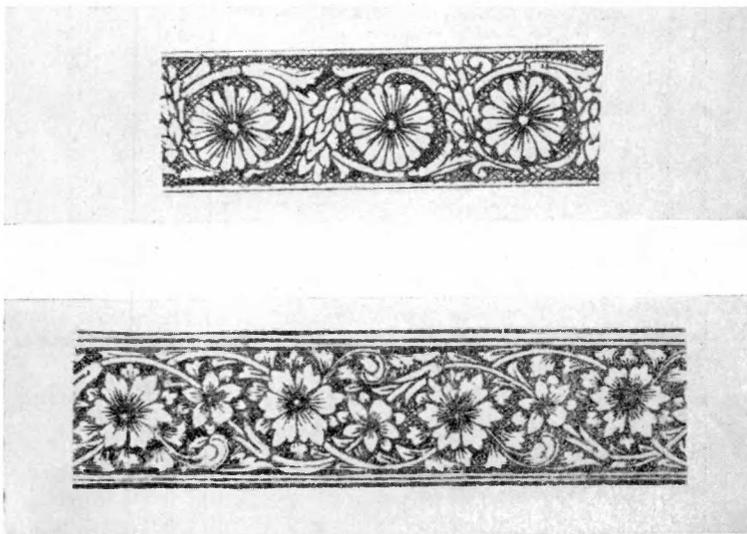

Рис. 2. Растительный орнамент индийской литографированной книги второй половины XIX в.

литографированной книги в городах русского Туркестана. Но в этом случае художник избежал рабского повторения, перерисовав узор от руки (рис. 4). Изредка встречаются мотивы, навеянные турецкой книгой: на одной из книг издания 1902 г. мы нашли типично турецкий узор гвоздики, широко распространенный в турецком прикладном искусстве.

В изданиях последних лет существования придворной литографии можно отметить появление интересных решений титульных листов. Эти листы совершенно лишены какого-либо текста и сплошь заполнены узором, очень смелым и своеобразным. В одном случае это мотив растения, выходящего из вазы (рис. 5). Этот узор хорошо вписан в прямоугольник рамки. Такие орнаментальные мотивы были широко распространены в декоративном искусстве Средней Азии и встречаются в украшениях интерьера узбекского жилища; выполнялись такие узоры и в виде росписи, и в виде резьбы по ганчу (алебастр).

Рис. 3. Титульный лист «Хамса» Алишера Навои — первой книги хивинской литографии

Не менее интересен другой мотив, примененный для украшения титульного листа. В этом случае орнамент имеет вид овала, образованного двумя изогнутыми ветками с листьями и цветами. Наконец, еще один вариант, построенный на сочетании геометрических фигур с живо трактованными характерными мотивами растительного орнамента (рис. 6).

Эти примеры — яркое свидетельство полной самостоятельности приемов оформления хивинской литографируемой книги: ничего подобного не встречается в изданиях городов русского Туркестана.

Колонцифры обычно помещались в средней или боковой части верху полосы. На многих хивинских книгах, особенно на издававшихся в начале XX в., колонцифры нанесены при помощи нумератора.

Все книги, печатавшиеся в Хиве, обязательно переплетались. В области переплетов сохранялась преемственность приемов рукописной книги. По всей Средней Азии книги переплетались в цветную кожу: красную, желтую, зеленую. Хивинские мастера предпочитали зеленый переплет при красном корешке.

Одним из распространенных приемов украшения наружных стенок переплетов являлось нанесение на них узорного тиснения по золотому фону в виде фигурного клейма, помещаемого в центре стенки. Для этого применялись особые медные штампы «мухр», изготовлявшиеся, как правило, в Коканде, мастера которого славились как искусные переплетчики.

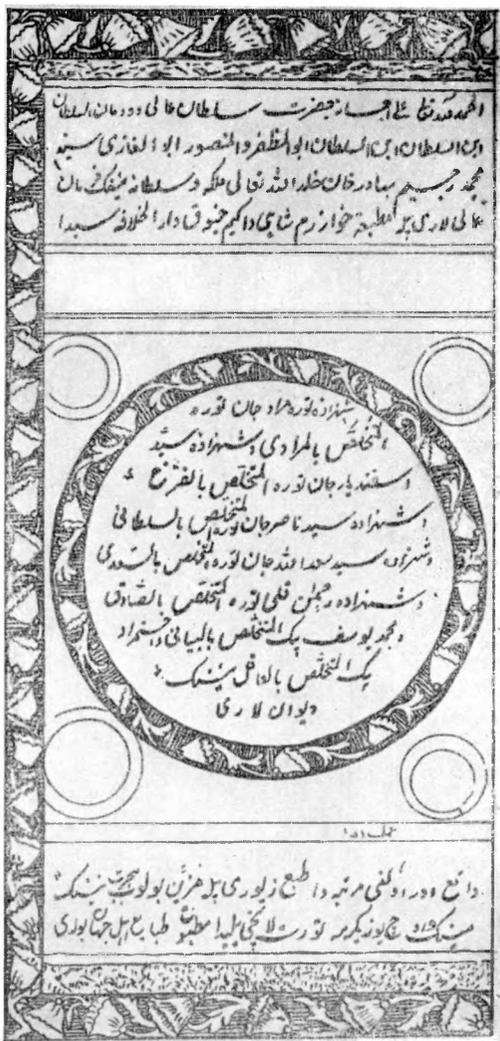

Рис. 4. Титульный лист «Дивана». 1906 г. Использование узора акцидентного орнамента.

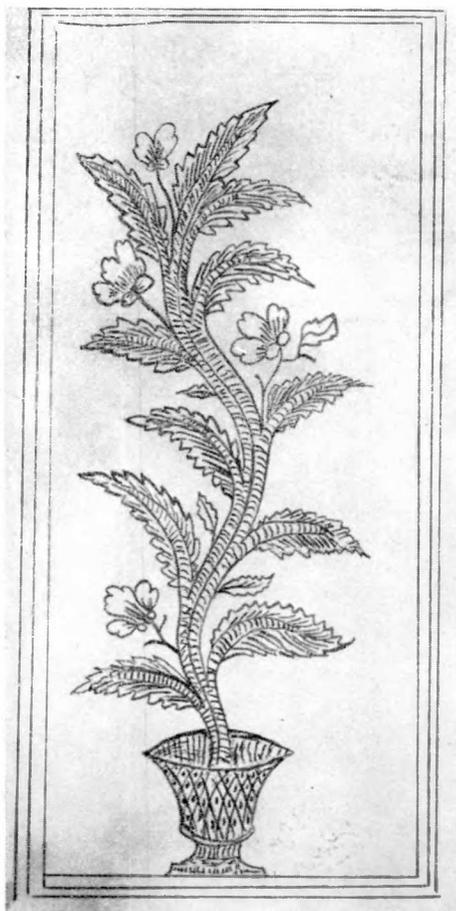

Рис. 5. Узор на титульном листе книги. 1909 г.

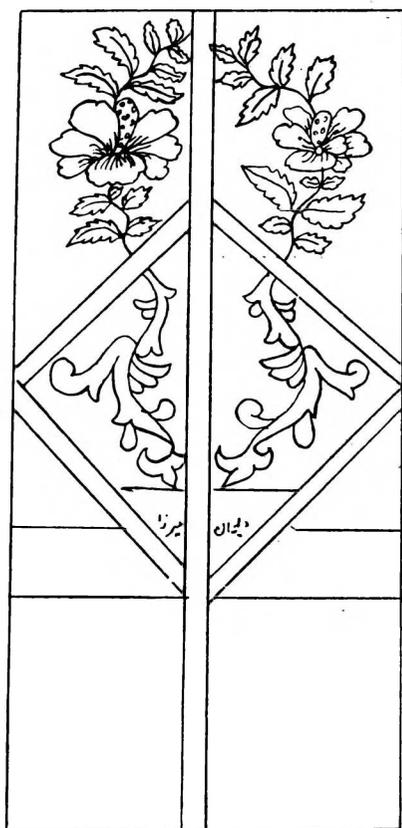

Рис. 6. Узор на титульном листе книги. 1909 г.

В конце XIX — начале XX в. в Средней Азии вместо кожи для переплетов начинают применять цветную бумагу — красную, синюю и зеленую, очень редко — черную. Цветных бумаг здесь делать не умели, и расцветка достигалась окрашиванием масляными красками плотных сортов привезенной из России бумаги. Для Хивы такие переплеты являются редким исключением: хивинские мастера предпочитали кожу. Тисненые узоры на бумажных переплетах были не всегда обязательными.

Если для литографированной книги русского Туркестана в начале XX в. находит широкое применение печатная обложка, украшения которой разработаны с использованием акцидентных узоров, то таких обложек для Хивы мы совершенно не знаем.

С конца XIX в. в русском Туркестане входят в моду так называемые «роскошные» издания. Эти книги печатались на лучших сортах бумаги, часто разноцветной, которая использовалась в виде нескольких тетрадей разных цветов. Большое значение имело применение различной окраски бронзы, которой печатались не только титульные листы, но нередко и весь текст «роскошной» книги. Кроме бронзы, употреблялись также красная и зеленая краски. В Хиву такие методы украшения книги едва начинают проникать в девятисотых годах. Но здесь дело ограничилось лишь бронзой для печатания узоров заставок.

Поднесенный А. Н. Самойловичу экземпляр «Собрания тридцати царских поэтов» был напечатан на белой, частью линованной бумаге. Книга была переплетена в толстый картон, обклеенный зеленой бумагой.

Таковы характерные признаки оформления хивинской книги.

А. А. Семенов и Е. К. Бетгер — лучшие знатоки истории книги в Средней Азии — в своих трудах неоднократно подчеркивали особую ценность продукции хивинской придворной литографии. «Книги, отпечатанные в хивинской литографии, — писал Е. К. Бетгер, — следует отнести к числу подлинных библиографических драгоценностей не только потому, что они редки, но и по их важному значению для истории узбекского книжного дела».

Туркестанские литографированные издания «заслуживают самого пристального внимания», так как «исследование их как памятников типографского дела в нашей стране... несомненно приведет к открытию ряда новых фактов из истории узбекской культуры»³³.

³³ Е. К. Бетгер. Указ. соч., стр. 77—78.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

15(2)я5
С 56

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

26164

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

5

9 АПР 1973

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

1 9 6 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Г. Н. ЧАБРОВ

АЛЬБОМ БУХАРСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗАРИСОВОК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В отделе старинной и редкой книги Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР им. А. Навои издавна хранится небольшой альбом с акварелями и зарисовками этнографического содержания¹.

Этнографические зарисовки, отображающие жизнь населения Казахстана в первой половине XIX в., очень редки. Что же касается зарисовок среднеазиатского быта, то они почти неизвестны.

К числу наиболее ранних этнографических рисунков можно отнести работы английского художника Джона Кэстля, принимавшего участие в Оренбургской экспедиции 1734—1736 гг. Часть его работ была опубликована в гравированных иллюстрациях книги, изданной на немецком языке в Риге².

Через тридцать лет после Кэстля в Казахстане работал рисовальщик экспедиции П. Палласа — Николай Дмитриев. В 1769 г. он сделал несколько изображений казахов и казашек³.

В первой половине XIX в. в Казахстане этнографические зарисовки делали несколько художников. Одним из них был военный топограф Бабилов. Две из созданных в 1846 г. акварелей с изображением «народов Оренбургской губернии» Бабилов послал в Петербург Русскому географическому обществу.

Одновременно с Бабиловым работал ссыльный польский революционер Бронислав Карлович Залеский (1819—1880). В его альбоме «Жизнь киргизских степей» (издан на французском языке в Париже в 1865 г.) несколько офортов посвящено быту казахов⁴.

Однако наиболее ценны этнографические альбомы о жизни казахов и киргизов двух русских художников — Владимира Николаевича Плотникова (род. в 1832 г.) и воспитанника Академии художеств Павла Михайловича Кошарова (1824—1894). Их работы подробно описаны советскими этнографами А. С. Бежковичем и С. М. Абрамзоном⁵.

¹ Судя по инвентарному номеру (7386), альбом поступил в Туркестанскую публичную библиотеку в первые годы ее работы. Однако в «Каталоге книг русского отделения» этой библиотеки Н. В. Дмитровского (СПб., б. г.) он не значится.

² «Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen», Zweiter Theil, Riga, 1784.

³ См. Г. Н. Чабров, Восточные окраины России в русском изобразительном искусстве XVIII века, Ташкент, 1957, стр. 26—33.

⁴ Акварели Бабилова «Народы Средней Азии и Оренбургского края» и «Киргизы Оренбургского края» хранятся в архиве Географического общества СССР в Ленинграде. Акварель «Оренбургские азиатцы» — в Музее Т. Г. Шевченко в Киеве. О Бабилове и Залеском см. Г. Н. Чабров, Художники России в Туркестане, «Звезда Востока», 1954, № 5, стр. 115—116.

⁵ А. С. Бежкович, Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов, «Сов. этнография», 1953, № 4; С. М. Абрамзон, Этнографический альбом художника П. М. Кошарова «Сборник МАЭ», XIV, Л., 1953; Г. Н. Чабров, В. Н. Плотников — художник-этнограф, «Сов. этнография», 1958, № 6.

Все эти работы относятся к этнографии казахов и киргизов. Никаких этнографических зарисовок бытового характера об узбеках и таджиках в XVIII в. никем не делалось.

Редкие иллюстрации в описаниях путешествий первой половины XIX в. обычно не имеют этнографического содержания. Таковы, например иллюстрации к «Путешествию в Хиву» Н. Н. Муравьева (СПб., 1822), таковы же они и в вышедшей в Париже в 1826 г. книге Ж. Мейендорфа⁶, посетившего Бухару в составе миссии А. Ф. Негри в 1820 г.

Этнографическая направленность свойственна лишь некоторым рисункам натуралиста Александра Лемана, посетившего Бухарское ханство в 1841—1842 гг. Но о нем мы скажем ниже.

Такое положение свидетельствует о том, что альбом этнографических зарисовок Узбекистанской библиотеки приобретает уникальное значение.

* * *

Что дает основание считать сюжеты альбома бухарскими и относить его к первой половине XIX века? Об этом говорит многое. Так, например, формы и декор медно-чеканных изделий характерны именно для Бухары этого времени. Об этом свидетельствуют второй и третий рисунки альбома, на которых изображены сосуды «афтоба», «куза» и «чайджуш», подобные тем, какие помещены в таблицах к альбому Б. Сергеева «Чеканка по меди», изданному Музеем искусств Узбекистана (Ташкент, 1960). Характерно бухарский вид имеет изображенная на одном из рисунков арба. Вещи, изображенные на других листах альбома, не содержат ничего характерного для Хивинского или Кокандского ханств, где народные мастера выработали собственные, оригинальные решения, отличные от бухарских. Основаниями для датировки альбома первой половиной XIX в. служат более обширные признаки. Кроме характерных для этого времени особенностей различных бытовых вещей, датировку подтверждает бумага, на которой сделаны изображения. Это превосходный английский «ватман» с филигранями и высокого качества русская, сорта александрийской бумага без филиграней. Обе бумаги типичны для первой половины XIX в.

Наконец, наши предположения подтверждают надписи на немецком языке, к которым мы вернемся при рассмотрении вопроса об атрибуции альбома. А теперь перейдем к его содержанию.

Альбом содержит сорок три изображения на отдельных листах. Все это акварели и лишь две работы выполнены в карандаше. По содержанию своему альбом почти однороден: он посвящен деятельности городских ремесленников. Все зарисовки выполнены весьма тщательно, хотя и не отличаются художественным мастерством. Что же касается этнографической достоверности, то она не подлежит никакому сомнению.

В альбоме представлены следующие виды бухарского городского ремесла: медно-чеканное, кожевенное, гончарное, кузнечное, обувное, ювелирное и некоторые другие, а также производство пищевых продуктов.

Альбом открывает акварель (рис. 1), изображающая мастерскую медно-чеканных изделий, в которой за работой показано три мастера (1)⁷. В альбоме есть несколько изображений медно-чеканных изделий; некоторые из них украшены гравировкой (рис. 2 и 3). Это рукомойник, кумганы и сосуды иной формы (2, 3, 4, 34). Тщательно зарисованы

⁶ J. M a y e n d o r f, Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820 à travers les stepes qui s'étendent à l'est de la mer d'Aral et du delà de l'ancien Jaxartes, Paris, 1826.

⁷ В скобках при описании рисунков поставлены порядковые номера листов альбома.

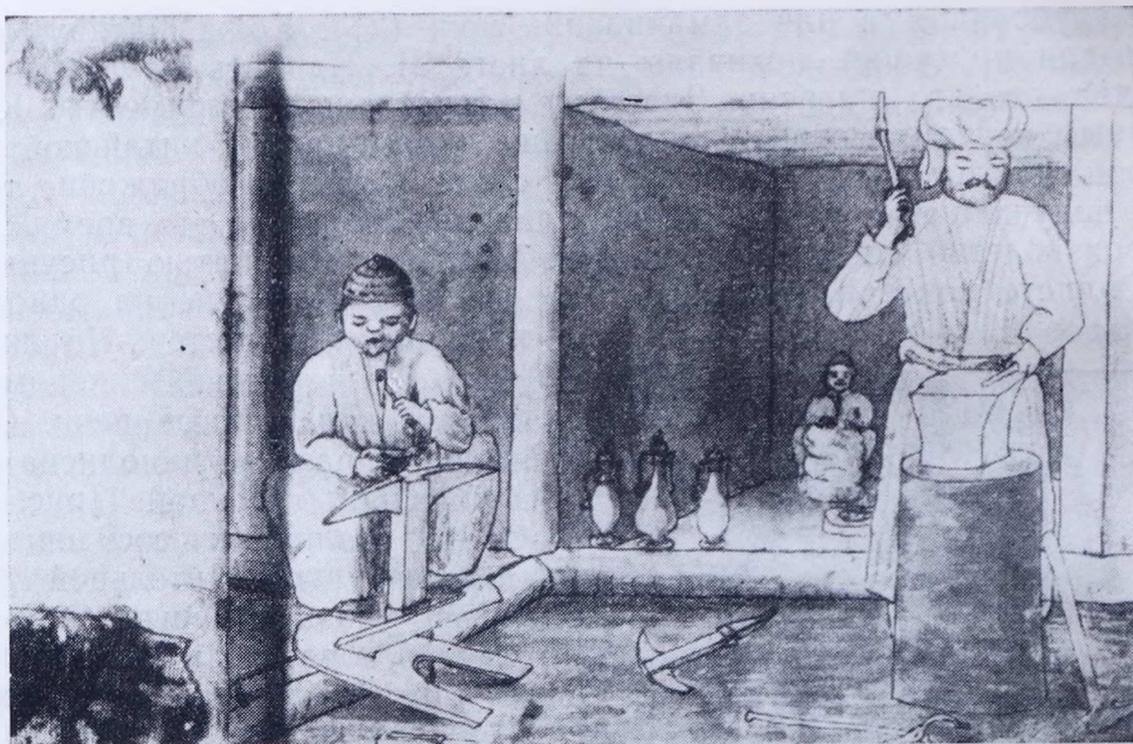

Рис. 1. Мастерская медно-чеканных изделий

Рис. 2. Сосуд для чая

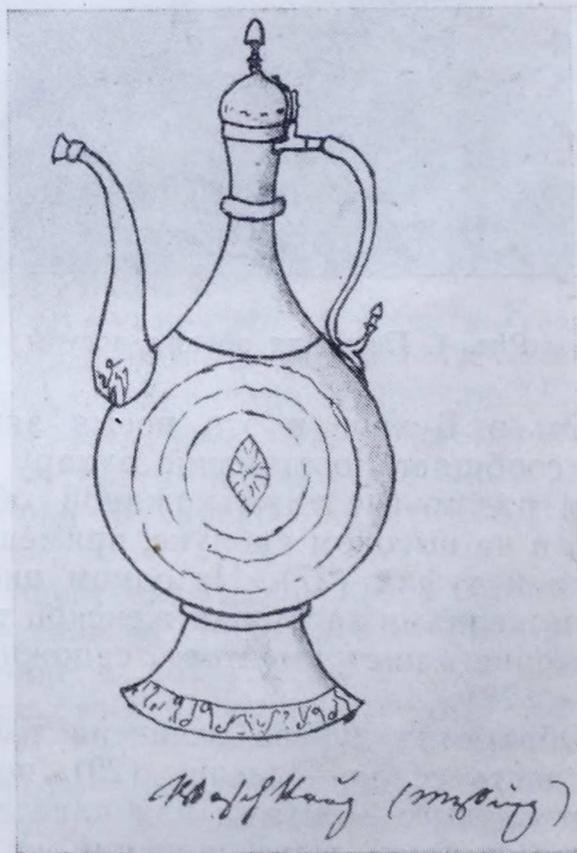

Рис. 3. Сосуд для воды

узоры для украшения посуды чеканкой (9, 12), и, наконец, показан инструментарий мастеров этого замечательного искусства (13).

Кожевенное производство характеризуется зарисовками мастеров, занятых обработкой шкур, и изображением их инструментов, например скребка (22). Очень интересна акварель, изображающая группу кожевников, занятых под большим навесом просушкой шкур. На переднем

плане глубокая яма для замачивания кож (23). Кожи, натянутые на рамки для просушки, показаны на листе 31. Надпись по-французски поясняет, что это шагрень. Здесь же зарисованы инструменты. К кожаным изделиям относится «теркеш» — футляр для китайской фарфоровой посуды; здесь мы встречаем самое раннее изображение такой вещи, получившей широкое распространение именно в это время⁸.

Производство гончарных изделий представлено пятью рисунками. На 17 листе показан станок из трех гончарных кругов, на одном из

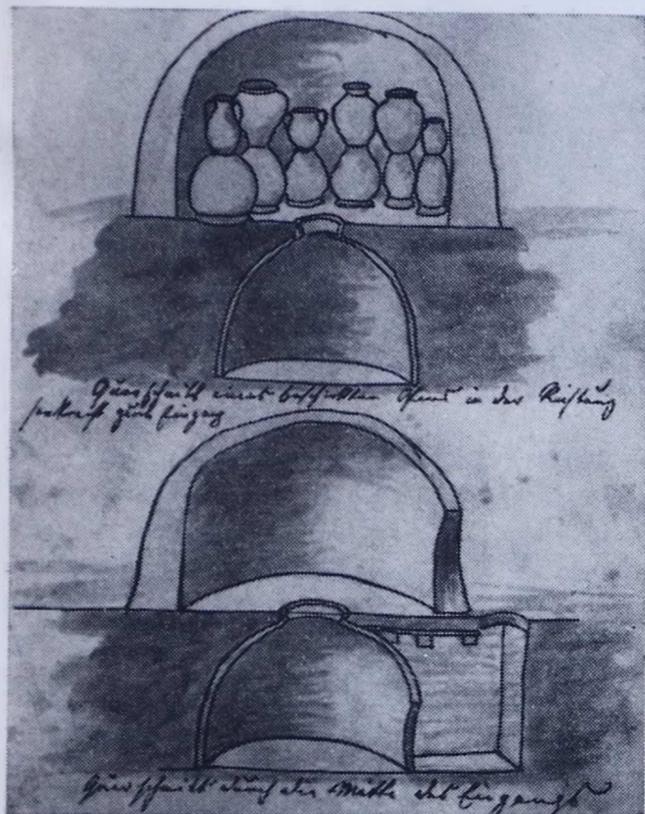

Рис. 4. Печь для обжига посуды

них работает мастер. На листах 18 и 25 нарисованы керамические обжигательные печи. Одна из них в разрезе наполнена разнообразной посудой (рис. 4). Семь различных сосудов (19) снабжены пояснительной надписью: указаны цены вещей — от 4 до 40 копеек. На одном рисунке (20) изображены «тандыр» — печь для выпечки лепешек — и мастер, сделавший ее. Цены указаны и здесь: тандыр малого размера стоил 40 коп., большой — на рубль дороже.

Весьма любопытны изображения кузницы и орудий кузнечного ремесла. Изображен, например, станок дляковки лошадей (8). Трижды зарисованы инструменты кузнеца: наковальни, клещи, молотки и пр. (10, 15, 35).

Довольно подробно представлено обувное производство, которым в Бухаре в это время занимались преимущественно татары, как сообщает посетивший Бухару в 1835 г. Иван Виткевич⁹. Зарисованы различные типы кожаной обуви: зеленые шагреньевые мужские сапоги на высоком каблуке, применявшиеся для верховой езды, женские ичиги и туфли (27). На одном рисунке (33) показана вышитая цветными шелками заготовка женской туфли стоимостью в 50 коп. Есть изображение инструментов сапожника: колодки, шила, сапожного ножа (28).

Обработка дерева охвачена только частично. Зарисована деревянная часть седла — ленчик (29), покрытый глубоко прорезанными узорами «калыб» — штамп для нанесения на ткань набивного узора (34); показан мастер, вытачивающий на станочке деревянные гребешки (42). Деревообделочное производство отчасти характеризуют «омач» — рало с ярмом на пару быков (39) и бухарска повозка арба (43).

Еще скромнее отображено ювелирное производство. Художник зарисовал серебряные серьгу, браслет и подвески, а также «тумар» — треугольный футляр для амулетов (16). На другом рисунке он изобра-

⁸ См. Г. Н. Чабров, «Кашгарский» фарфор в Средней Азии, «Сов. этнография», 1962, № 5, стр. 117—124.

⁹ «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича по поводу его путешествия в Бухару и обратно», Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. № 67, арх. № 203.

зил инструменты ювелира: трубку, через которую вдувают воздух для достижения высокой температуры пламени, молоточек и зубило (13).

Всего лишь двумя изображениями характерных среднеазиатских ножей («пчак») представлена обработка металлических изделий (на листе 6 — нож с ножнами и на листе 10 — без них), да еще на омаче показан железный лемех (39); нарисованы также два мастера, занятые точкой инструмента на примитивном лучковом точиле (7).

Особый интерес придают альбому рисунки, на которых показаны различные отрасли широко развитого во всех восточных феодальных городах производства пищевых продуктов. В альбоме имеются изображения толчей. Одна из них поставлена на арыке (24), другая (41) приводится в действие от ножного привода: мастер поднимает рычаг, наступая на него ногой. Очень интересны изображения «тегирмон» — мельниц. В одном случае — это однопоставная водяная мельница (38), в другом — показанная в интерьере мельница на два постава (40).

Хлебопечение представлено изображением «тандыра» — печи для лепешек. Она нарисована в разрезе, на горячих стенках наклеплены лепешки (36).

Приготовление излюбленного лакомства горожан «манты» (род пельменей) показано на двух рисунках. Один дает вид интерьера пельменной, где двое поваров орудуют около больших котлов (37). На другом рисунке (37) видна в разрезе печь, в которой смонтирован особый сосуд для варки пельменей.

Ткацкое и красильное ремесла, столь широко развитые в Бухаре, представлены только изображением красильщика, стоящего около большого котла (21). Почти не интересовался автор альбома и трудом бухарских дехкан: он дал только изображения рала да веялки (32). Такого содержания этого интересного альбома.

Нам остается теперь установить его автора. Известные основания для предположения об этом дают пояснительные надписи на немецком языке, имеющиеся почти на всех рисунках. Известно, что в Бухаре в первой половине XIX в. побывали трое немцев (в Хиве и Коканде в это время ни одного немца не бывало). В составе экспедиции А. Ф. Негри в 1820 г. были Эдуард Александрович Эверсман (1794—1860) и Христиан-Генрих Пандер (1794—1866). Что касается Александра Адольфовича Лемана (1814—1842), то он был участником экспедиции инженера Бутенева, посетившей Бухарское ханство в 1841—1842 гг.

Эверсман интересовался преимущественно сельским хозяйством. Это отразилось в его книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару», изданной на немецком языке в Берлине в 1823 г.¹⁰ Никаких данных о том, что Х. Г. Пандер зарисовывал что-либо кроме «натуралий», мы не имеем.

Уже это дает какие-то основания предположить, что автором альбома являлся Александр Леман. Это предположение подкрепляют данные о его работе, изложенные в исследовании М. М. Соловьева¹¹. Он сообщает, например, что во время двадцатидневного пребывания в Бухаре члены экспедиции, посещая базар, обратили внимание на высокое качество медно-чеканных изделий. Осматривая базар в городке Чимбай, они заметили в лавочках множество «грубых кинжалов в кожаных ножнах», а также «различной глиняной посуды»¹².

¹⁰ О. В. Маслова, Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. I, Ташкент, 1956, стр. 37.

¹¹ М. М. Соловьев, Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста Александра Лемана, М.—Л., 1936.

¹² Там же, стр. 77 и 109.

Отчет Лемана, изданный на немецком языке в Петербурге в 1852 г., включает и его дневник. Он содержит наблюдения «ботанического, зоологического, геологического и этнографического характера»¹³, в частности говорится о торговле кинжалами и гончарными изделиями в Бухаре, Чимбае и Катта-Кургане. Серьезным основанием для атрибуции альбома именем Лемана является разительное сходство почерков альбома и надписей на рисунках этого ученого, хранящихся в архиве Академии наук СССР в Ленинграде. Столь же близко и сходство художественных приемов, в особенности в рисунках, изображающих мельницу (инв. № Г 72865), и портрете бородатого мужчины в тюбетейке (инв. № Г 72857), весьма схожем с портретами ремесленников из альбома.

Это также подтверждает справедливость нашего предположения. Каким же образом альбом мог попасть в Туркестанскую публичную библиотеку? Для ответа на этот вопрос надо вспомнить судьбу научного наследия рано умершего ученого. Возвращаясь в 1842 г. в Петербург, Леман опасно заболел и скончался в симбирской (ныне г. Ульяновск) больнице.

Его имущество передали на хранение в полицейский участок. Среди прочих вещей было семь пакетов с рукописями и рисунками. После длительной тяжбы между Академией наук и родственниками покойного, все его имущество, за исключением гербария (переданного для обработки в Дерптский университет) и рукописей, отправленных в Академию наук для редактирования, осталось у родственников¹⁴.

Вполне возможно, что одним из них альбом и был передан или продан Туркестанской публичной библиотеке.

¹³ О. В. Маслова, Указ. раб., стр. 57 и 58.

¹⁴ М. М. Соловьев, Ученая экспедиция в Бухару в 1841—1842 гг. при участии натуралиста А. Лемана, М.—Л., 1956, стр. 109.